

Часть 4. ЗНАНИЕ О ПРОШЛОМ В КОНТЕКСТЕ «НАУЧНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»

О.В. Воробьева (ИВИ РАН, Москва)

Пространственный поворот и перспективы современных цивилизационных исследований

Кризис цивилизационных исследований, начавшийся в последние десятилетия XX века, сменяется их очередной реактуализацией. В значительной мере это обусловлено процессами глобализации, охватившими мир на рубеже XX и XXI вв. и породившими новый всплеск интереса к макроисторическим исследованиям, а с ними и попытки вернуться к масштабному и интегрирующему взгляду на развитие человечества и человеческих сообществ. Цивилизационные исследования вполне вписываются в эту тенденцию, однако требуют существенного пересмотра своих теоретико-методологических оснований. Потребность в новых теоретических основаниях обусловлена прежде всего спецификой самого процесса глобализации, протекающего параллельно с процессом глокализации и по-новому выстраивающего взаимодействие между глобальным и локальным/региональным. В этой связи особенно актуальным становится поиск ответа на вопрос о соотношении между глобальной и региональной историей, с одной стороны, и цивилизационного анализа – с другой, между цивилизационной и трансцивилизационной проблематикой.

Экспансия цивилизационной проблематики в ранее неосвоенные области, равно как и новой проблематики в проблемное поле цивилизационных исследований высвечивают и позволяют наметить перспективные поля исследований в этой области социогуманитарного знания. Одним из таких полей может стать проблематика цивилизационных вызовов – вызовов миграции, модернизации, урбанизации, вестернизации, глобализации, глокализации и др., в том числе вызовов самому человеку со стороны современной цивилизации. Изучение этих вызовов и ответов на них в разные эпохи и в разных цивилизационных контекстах позволит не только выявлять цивилизационную специфику, но и – в процессе исследования – выходить на изучение вопросов, помогающих развить и усложнить сложившиеся на данный момент образы цивилизаций, в том числе за счет изучения следующих проблем.

Во-первых, это проблема цивилизационного (и шире – исторического) сознания и способов его формирования и конструирования (в том числе роли истории и историографии в этом процессе). С ней связана и вторая проблема – проблема цивилизационной идентичности, в том числе – наряду с глобальной цивилизационной самоидентификацией населения – гибридность и гетерогенность идентичностей внутри каждой цивилизации (наличие периферийного самосознания, попытки преодолеть периферийную самоидентификацию, трудности промежуточной самоидентификации и т.п.), а также постоянная трансформация идентичностей [см. об этом: Ионов И.Н. Цивилизационные представления на рубеже XXI века: перезагрузка // Историческая наука сегодня, теории, методы, перспективы. М., 2011. С. 236-237]. Изучая разнообразные и разноуровневые идентичности внутри цивилизаций, иерархию идентичностей, исследователь должен понимать сложность и многообразие цивилизации как системы. Естественно, что каждая из этих идентичностей по-своему рассматривает свое место в глобализирующемся мире, равно как и по-своему реагирует на все цивилизационные вызовы. В свою очередь это выводит на третью проблему – проблему способов конструирования коллективного цивилизационного опыта (коллективная память, места памяти или наоборот забвения, коллективные травмы, потребность в мифологизация и т.п.). В-четвертых, это проблема преодоления европоцентризма в цивилизационных представлениях, актуализация идеи гетерогенности Запада и Востока, а следовательно, каналов, способов и рецептов так называемых западных влияний (именно во множественном числе!) и наоборот; поиск баланса между западными и незападными цивилизациями, способов конструирования культурной когерентности мирового исторического процесса, предполагающей не всегда явную преемственность с глобальными циркуляциями и др. В-пятых, в связи с процессами глобализации/глокализации актуальной становится проблема диалога культур и цивилизаций в его историческом измерении, осмысления разноуровневности цивилизационных контактов, изучения динамики межкультурных интеракций, культурных циркуляций и трансферов, пограничья как особой зоны этих контактов, диффузий и влияний. При этом речь идет не только о меж-, но и о внутрицивилизационном диалоге. В-шестых, проблемы сочетания цивилизационной истории и имперской истории, переосмысление этого сочетания в условиях изменения представлений о цивилизациях и

империях. В-седьмых, проблема взаимоотношений цивилизации и варварств том числе внутреннего варварства, переосмысление традиционных представлений о превосходстве и победах варварства над цивилизациями.

Разработка обозначенных выше проблем требует дальнейшего развития теории и методологии цивилизационных исследований, интенсификации сравнительно-исторических исследований. Прежде всего, речь идет о разработке такого компаративного подхода, который помог бы вместо традиционного выявления сходств и различий разных цивилизаций, сходящихся и расходящихся траекторий их развития, научиться встраивать их в общий глобальный контекст, раскрывать структурную логику сходных явлений, процессов и конфликтов, отдаленных во времени и пространстве [см. об этом: Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011. С. 205-206]. Очевидно, что в рамках дихотомной логики это сделать невозможно. Нужен такой уровень концептуализации мира, который позволил бы снять оппозиции и увидеть взаимоисключающее, как взаимодействующее и взаимодополняющее. Другими насущными проблемами теории и методологии цивилизационных исследований являются: понимание вариативности цивилизационной теории и методологии, признание факта существования разных цивилизационных подходов, каждый из которых акцентирует внимание на своем аспекте/ракурсе/способе осмысления цивилизационной проблематики и далек от онтологизации результатов собственных исследований; поиск (в условиях критики европоцентризма) культурно-нейтральной цивилизационной терминологии; осмысление уровней, критериев и пределов сравнительного анализа, особенностей синхронного и диахронного подходов, интра- и интерцивилизационных сравнений, тотальных и частичных, асимметрических и симметричных, конвергентных и дивергентных сравнений; переход от каузального объяснения к контекстуальному (множественные взаимосвязи, взаимообмены, взаимовлияния); наконец, поиске таких многомерных методологических конструктов, которые базируются на синтезе разных подходов к изучению цивилизационной проблематики.

Поиск адекватной компаративной перспективы, способной связать в единой когерентной логике разноуровневые, разномасштабные, разрозненные во времени и пространстве цивилизационные сообщества, актуализирует проблему «эквilibра» между конкретными и теоретическими

цивилизационными исследованиями. Осознавая всю сложность коллизии конкретного и абстрактного в цивилизационных исследованиях, а также наличие определенной неконвертируемости между ними, тем не менее, установление режима «челночных» отношений между цивилизационной историей и теорией (в противовес разрыву или крену в одну из сторон) видится более продуктивным.

И.Л. Зубова (Ульяновский ГУ)

«Научные революции» в свете динамичности исторического знания

Рассмотрим научные революции в свете специфики исторического знания, характеризуемого его повышенной динамичностью. Такой подход претендует на преодоление недоверия к историческому знанию в качестве научного и строится на признании его научной революционности, являющейся одним из факторов и содержательным моментом общенаучных революций.

Научная неординарность исторического познания находит выражение в изменчивости интерпретаций его результатов, в постоянной реорганизуемости знания, а также в невозможности сконструировать строгие теории, необходимые для построения надежных объяснительно-проективных схем деятельности и долгосрочных социальных прогнозов. Наряду с отсутствием жестких теоретических схематик в историческом познании наблюдается тяготение теорий к индивидуализации и они получают статус *ad hoc*, что артикулирует единичность как форму существования социальности, которая реализуется через идиографический способ описания истории.

Организация исторического знания осуществляется вокруг со-бытия и здесь особенно замечено такое «свойство» знания как релевантность, то есть заимствование и миграция знания из различных областей познания и научных дисциплин, которая в конечном итоге приобретает форму междисциплинарности. Релевантность выступает условием и фактом динамичности знания.

Концептуализация исторического знания не знает императивности понятийных конструкторов. В позитивистски ориентированном историческом познании неоднократно высказывались предложения выработать специальный язык истории с четким определением используемых ею понятий. Наличие своего языка признавалось одним из условий

позволяющим получить истории полновесный научный статус. Однако «история сопротивлялась любой попытке формализации дискурса» и «нет единого языкового протокола, продержавшегося хотя бы день среди историков» (Х. Уайт). Историки тяготеют к «понимающей истории», стремятся к ее человеческому измерению и неизбежно пользуются неформальным герменевтическим языком метафор, образов, символов.

Нетехнологичность и неметодологичность активности историка в научном поиске создает условия для креативных ситуаций, в которых возможна Мысль. Порождаемая Мысль максимально выражает и кодифицирует в знании синкретическое содержание актуального социального опыта и уникальности ситуации. Она заряжена новизной – специфическим признаком научности, выражающим динамизм знания.

Обладая целым набором динамических особенностей, историческое познание развивалось через воспроизведение своего кризисного состояния. Для исторической науки кризис не аномальное, а нормальное и позитивное состояние. Отсутствие кризисного состояния свидетельствует о неблагополучии, стагнации в состоянии научного познания и знания. Кризисные состояния познания заканчиваются «революциями» – качественным преобразованием знания и исторической науки. В результате революции конституируется новая парадигма научного познания и исследовательской деятельности. Однако новая парадигма не упраздняет существовавшие до нее, а устойчиво и равноправно соприсутствует с ними, увеличивая потенциальные возможности новых трансформаций знания, иначе перманентное обновление научной мысли оказалось бы крайне затрудненным.

Перманентность кризисов и революций при обязательном наличии множества теоретико-методологических подходов, познавательных и исследовательских парадигм показывает, что парадигмальный режим не является доминирующим для исторического познания. Парадигмальная определенность познавательной ситуации дополняется неопределенностью её состояний, с возможностью актуализации и конституирования иных парадигм. Они обеспечиваются нелокальными связями, в чем проявляется принципиальная открытость исторического познания. Оно скорее является пред-, сверх-, над- или полипарадигмальным, чем парадигмальным в традиционном смысле. В крайнем случае, парадигмой исторического познания можно признать динамичную структуру, одновременно вбирающую и презентующую все множество и разнообразие онтологических схем динамики

социальной реальности и познания, имеющих место в исторической науке.

В перманентных кризисах и революциях исторического познания заключена «сотворяющая себя история», что ставит под сомнение «идею истории», на которой базировалась классическая наука и ее рациональность. Переосмысление «идеи истории» классического историзма началось и в значительной степени осуществлялось «внутри» исторического познания на основе установления факта поразительной способности исторического знания к обновлению. В динамике знания и разрабатываемых схемах динамики социальной реальности имеющих место в историческом познании содержалась не только классическая идея истории, но и другое понимание историчности. Поэтому «критика исторического разума» подготовила, а ее результаты вошли в содержание научной революции, установившей неклассическую научную рациональность.

Специфика определенной области научного познания и знания состоит в наиболее явном и открытом проявлении того, что, по большому счету, присуще всему научному познанию в целом и его отдельным отраслям и дисциплинам. Исследование динамичности исторического знания и историчности всего знания в состояниях его преобразования позволяет понять «механизм» обновления научной мысли, инициирующей динамику жизнедеятельности человека и социума.

Демонстрация текстуально-контекстуального характера человеческой активности при обновлении исторического знания имеет принципиальное значение для понимания факторов динамики научного познания. Точнее, речь идет о синтезе методологических концепций историко-научных исследований – интерналистской и экстерналистской, в рамках которых отдается приоритет в развитии либо внешним социокультурным факторам, либо внутренним гносеологическим. Пристальное внимание к работе историка помогает понять и протрактовать текстуально-контекстуальные связи как презентативные континуальные связи. В таком качестве они выражают состояние одновременной и совместной представленности различных реалий «внутренних» или «внешних» друг в друге на правах факторов динамики научного познания. В неравновесных динамических состояниях факторы работают преимущественно в режиме резонанса, чем в режиме детерминаций, а их перечень включает всевозможные потенциальные и актуальные, скрытые и явные проявления жизнедеятельности человека и общества.

Научная революция – это всегда трансформация теоретико-методологического знания, в которую включено историческое знание. В историческом познании релевантное знание сопрягается с устойчивыми структурами социальной реальности, со способами человеческой жизнедеятельности. Схемы деятельности в науке снимаются с инвариантных структур человеческой жизнедеятельности и наоборот схемы человеческой деятельности доминирующие в науке способствуют выявлению и формированию новых структур в человеческой жизнедеятельности и делают существующие структуры динамичными. Онтологические схемы описания и представления состояний социума, вырабатываемые в историческом познании в конечном итоге становятся базовыми схемами научно-исследовательской деятельности с соответствующими им теоретико-методологическими нормами и принципами.

И.Н. Ионов (ИВИ РАН, Москва)

Перекрестная история как форма неклассического знания и проблемы истории цивилизаций

Говоря о традиции В.И. Герье в изучении всеобщей истории, полезно осмыслить, что сегодня влияет на восприятие истории как связанного целого. Л.П. Репина в книге «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.» [2011] обращает внимание на становление нового исторического сознания. Оно меняет соотношение всеобщей и мировой истории. Последняя существует не столько в образе целостности, сколько в форме «многоуровневой сетевой модели», отражающей «полицентрическое множество различных взаимодействующих локальных и частных процессов». В свою очередь и понятие «цивилизация» стало означать «множество групп (с разными социокультурными характеристиками), сосуществующих в границах установленных договоренностей относительно легитимности правителей и условий обмена». Особое внимание историков при этом привлекает не статика, а динамика, изучение новых социокультурных элементов цивилизаций, реконфигурация их границ и отношений с «другими» [С. 250-251]. Эта глубокая характеристика нуждается в дальнейшей конкретизации.

Наиболее ярким проявлением современной историографической революции Л.П. Репина называет появление *перекрестной* истории (или, если следовать переводу журнала «Ab Imperio», 2007, № 2, на который далее даются ссылки,

пересекающейся истории) – эпистемологического проекта, созданного французскими историками немецкого происхождения М. Вернером и Б. Циммерман. По признанию авторов, он принадлежит к комплексу «соотносящих» подходов [С. 61], в который входит также транснациональная история. Ключевым понятием последней, введенным антропологом Э. Вульфом, является «пучок отношений» (*bundle of relationships*). Ее предмет – не неразрывное целое, как у всеобщей истории, а многообразные взаимосвязанные процессы, объединяющие общества, культуры, цивилизации. Надо отметить, что цивилизации интересовали Вульфа прежде всего как зоны культурных взаимодействий.

Во всеобщей истории обязательно существует некая *внешняя точка референции* (Бог, государство, эволюция), которая позволяет историку или философу рассматривать объект строго определенным образом [С. 70]. Эта метафора легализует возможность выделения в хаосе исторических событий целостных нормативных образов (гешталтов). Для подкрепления этой стратегии служат бинарные оппозиции, иерархические схемы и представления о незыблемых исторических законах, составляющие предмет философии истории. В транснациональной и перекрестной истории явления прошлого объединяет сам *факт взаимодействия*, причем существуют как минимум две перспективы, из которых его можно изучать. Их определяет присутствие по крайней мере двух сторон взаимодействия. Тем самым нормативная перспективизация исключается. Первый подход в теории науки называется классическим, второй – неклассическим (релятивистским).

Традиционные методы сравнения цивилизаций и культурных трансферов, возникшие в рамках всеобщей истории, от которых отталкиваются М. Вернер и Б. Циммерман, опираются на классические модели. Целостное восприятие цивилизации в пространстве или процесса трансфера во времени объявляются условием их познаваемости. Соответственно, важны представления о *сущности* той или иной цивилизации, образ ее *центра*, а часто и образ *центральной* цивилизации как источника информации в процессе трансфера. Для того, чтобы лучше понять реальность прошлого, историку нужно либо занять стабильное положение между симметрично расположенными объектами, либо рассматривать ситуацию с точки зрения доминирующей стороны трансфера [С. 64, 68]. В неклассической картине перекрестной истории при сравнении на первый план выходит не ядро, а *периферия*, граница, на которой происходит взаимодействие; не

сущность цивилизации, а ее *изменение* в процессе взаимодействия. В картине трансфера внимание к *вектору* передачи информации сменяется вниманием к *интерактивности* процесса передачи информации.

Масштаб исследуемого объекта, который ранее диктовался мировоззрением или по крайней мере эпистемологией, теряет нормативный характер. Поэтому, характеризуя историю цивилизаций, М. Вернер и Б. Циммерман обвиняют ее в произвольности выбора масштаба сравнения [С. 64-65]. То же касается микроистории. Они считают, что масштаб сравнения принципиально невозможно определить заранее. Отношения историка и его объекта радикально *историзируются* и становятся высоко рефлексивными. Не перцептивные образы (цивилизация, община) определяют ход когнитивных процессов, а наоборот — когнитивные процессы определяют масштаб образов. Это похоже по типу картинки не на микроскоп или телескоп (микро- и макроистория), а на *калейдоскоп*. Происходит не смена парадигмы, как считает Г. Иггерс, а возникновение постпарадигмального познавательного пространства, где возможна не только смена образа кролика на образ утки (классический пример Т. Куна), а разнообразные игры с меняющимися образами. Образ прошлого включает сразу несколько картинок этого «калейдоскопа», то есть познавательных перспектив (мультиперспективизация). Их минимум определяется произведением количества взаимодействующих субъектов исторического процесса и существующих исторических школ. Это инклюзивная модель, в рамках которой исследователь не может выделить единственную «правую» сторону. Но это и не бесконечное множество гипотез, как думали постмодернисты, и главное — это не отдельные островки знания. Они соединены между собой профессиональными процедурами и задачей поиска исторической истины.

В этих условиях делается невозможной развернутая нормативная модель цивилизации типа той, которую предложили в 1981 г. Г. Мишо и Э. Марк и которая опиралась на представление о цивилизации как целостном социальном факте. Авторы учитывали кризис проекта исторического синтеза, но считали невозможным соединять модели, которые реализуют подходы, более или менее чуждые друг другу. Их познавательная модель была дедуктивной, концептоцентрической. Пересечение смысловых полей понятий «общество», «культура» и «цивилизация» рассматривалось только

как источник взаимонепонимания исследователей, а не как предпосылка мультиперспективизации исследования.

Напротив, перекрестная история опирается на индуктивный подход и для нее интерпретация термина является вторичной по отношению к конкретной исследовательской задаче. Перекрестность рубрикации открывает для нее новые познавательные пространства, в которых одни и те же «элементы» цивилизации могут рассматриваться совершенно по-разному. Важно понять, что при этом одни смыслы не отбрасываются во имя других. Происходит лишь движение *между* смыслами, о котором писал А.С. Ахиезер – в познавательных стратегиях (метафора – модель), в познавательных ориентирах (динамика – традиция), в коммуникативных практиках (убедительность – доказательность), в источниковой базе (сериальность – каузальность). Не случайно поэтому, как Л.П. Репина, так и немецкий историк М. Миддель, говоря о глобальной истории, не отбрасывают и проект всеобщей истории и лишь конкретизируют его место в современном историческом знании.

О.Б. Леонтьева (Самарский ГУ)

**Историческая память и смена парадигм научного знания
в российской культуре
второй половины XIX – начала XX в.**

В отечественной историографии, начиная с 1970-х гг., особый интерес вызывают периоды теоретико-методологических поисков в российской исторической науке: тех ситуаций, когда наука оказывалась на методологическом распутье, когда в сознании ученого сообщества соперничали различные подходы к историописанию, противоположные представления о задачах исторической науки. В советской историографии обычно характеризовали такие периоды исканий как «кризисные», противопоставляя методологический «разброд и шатания», характерные для «буржуазной» науки, монолитной целостности науки советской. Однако в 1990–2000-е гг., – когда постсоветская историческая наука оказалась открытой для теоретико-методологических новаций и в сжатые сроки пережила все те «познавательные повороты», на которые в зарубежной науке

ушла большая часть двадцатого столетия, – отечественные методологи пересмотрели сложившиеся стереотипы. В наши дни в историографии господствует убеждение, что так называемые «кризисы» в действительности являлись наиболее интересным и продуктивным временем в развитии исторической науки; что их можно охарактеризовать как периоды смены парадигм исторического мышления, каждый из которых предполагал радикальное обновление научного инструментария.

На наш взгляд, для более полного понимания внутренней логики методологических поворотов в истории следует учитывать, что историческая наука является не только отраслью научных знаний, но и частью исторической памяти общества. Можно выдвинуть гипотезу, что смена парадигм исторического знания свидетельствует о пересмотре картины «общего прошлого» в общественном сознании.

Этот подход можно применить к изучению исторической культуры российского общества в течение второй половины XIX – начала XX в. Именно тогда параллельно с формированием профессиональной исторической науки и исторического образования в России складывалась мощная художественная традиция исторических жанров в искусстве. Неизменно острым был интерес образованной публики к сюжетам, связанным с исторической памятью, несмотря на неоднократную смену «большого стиля»: от классицизма к романтизму, затем к реализму, и, наконец, к искусству модерна. Историософский компонент несли в себе все противоборствовавшие идеологии и политические течения того времени – западничество и славянофильство, либерализм и консерватизм, народничество и марксизм. Этот «историоцентризм» русской мысли был связан с сильной общественной потребностью в исторической самоидентификации.

Эволюция образов исторического прошлого в культуре России подчинялась определенному ритму, который соответствовал смене моделей исторического мышления. Так, в атмосфере Великих реформ 1860-х гг. сформировалась, по определению Н.И. Кареева, парадигма «суда над историей»: с одной стороны, для нее была характерна «благородная мечта» об объективном познании прошлого; с другой стороны, одной из важнейших функций исторического знания считался нравственный суд над явлениями прошлого. Как и общеевропейская историческая культура того периода, культура исторической памяти в пореформенной России была основана на научных и художественных принципах реализма и объективизма.

Специфика российского реализма заключалась в особом понимании Правды как цели познания: ее трактовали как категорию скорее социальную, чем гносеологическую. Научное историческое знание было активно востребовано в качестве способа формирования «общего прошлого», подготовки существенных материалов для «суда над историей», где приговор будет вынесен с позиций общественных представлений об истине и справедливости. Объективизм взгляда художника или исследователя превращался в инструмент верификации мифологизированных представлений о прошлом, существующих в социальной памяти.

Ситуация изменилась, когда в последней четверти XIX в. в российских общественных науках утвердилась позитивистская парадигма, основанная на поиске исторических закономерностей, на выявлении социальной подоплеки тех или иных исторических явлений. Для российского позитивизма, представленного в исторической науке «московской» и «петербургской» школами, было типично критическое, даже скептическое отношение к сформировавшимся прежде историческим мифам, стремление не судить прошлое, не «выносить приговор истории», а последовательно выявлять, сплетение каких социальных факторов порождало те или иные последствия. Этот социологический детерминизм – вместе со склонностью к деконструкции исторических мифов и дегероизации их персонажей – был унаследован российским марксизмом. Поэтому к концу XIX в. пути науки и искусства в деле воссоздания исторического прошлого кардинально разошлись: искусство продолжало создавать исторические мифы, наука взяла на себя функцию их критики.

В начале XX в. наметился принципиально новый подход к восприятию истории. Для профессиональной науки это был период «критики исторического разума», зарождения антропологической парадигмы исторического знания. В то же время для художественной культуры русского модерна был характерен интуитивизм, трактовка исторического познания как платоновского припоминания, поэтизация возрождающей силы памяти. Целью «исторического прозрения» зачастую считался поиск уже не народной Правды, а религиозной истины, «смысла истории»; в предреволюционной культуре вновь оказалось востребованным историческое мифотворчество, метаисторические построения. Методологическое оформление парадигмы «исторического прозрения» в отечественной мысли, тем не менее, осуществилось лишь после революции 1917 года (в

работах Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, С.Л. Франка): именно в этих исторических условиях оказалось актуальным понимание исторической памяти как экзистенциального усилия, с помощью которого можно восстановить распавшуюся связь времен.

Отличительной чертой исторической культуры начала XX в. было то, что в ней соседствовали, переплетаясь друг с другом, и парадигма «суда над историей», и позитивистская парадигма, предполагающая социологизацию исторического знания, и формирующаяся модель «исторического прозрения», основанная на христианском неоплатонизме. «Объясняющий» подход к истории сосуществовал с «понимающим», взгляд судьи – со взглядом художника. Сочетанием этих принципиально разных подходов к целям и социальным функциям истории во многом определялся интеллектуальный климат эпохи.

Таким образом, правомерно рассматривать познавательные повороты в исторической науке в контексте сложного, многоуровневого процесса эволюции исторической культуры общества. Изменения исторической мысли, типа историописания и образных представлений о прошлом взаимно обуславливают и детерминируют друг друга: в их взаимодействии формируются новые модели познания прошлого, новое понимание возможностей и пределов исторической памяти.

Г. А. Мухина (Омский ГУ им. Ф.М. Достоевского)

Методологическая революция Монтеस्कё в книге «О духе законов» (1748)

Монтеस्कё сознавал новаторское значение своей книги, отраженное в самом названии. «Закон» – ее центральное понятие, философский ключ, где представлен свод принципов, составивших его эпистемологическую арматуру. С первых страниц автор заявлял о своем детерминизме: законы – это «необходимые отношения, вытекающие из природы вещей». Концепция закона имеет ньютоновский смысл. Это не заповедь или неизбежность, как божественный или естественный закон, а имманентная связь в феноменах, которую можно обнаружить через исследование или сравнение без предвзятости.

Французские монтеस्कёведы считают: он совершил подлинную методологическую революцию. Луи Альтюссер

выделяет у Монтескьё категорию «целого» (totalité). Эта новая теоретическая категория дает ключ к бесконечным загадкам. Просветитель выдвинул гипотезу, что государство есть реальная совокупность, и все детали его законодательства, его учреждений и его обычаев есть только действие и выражение, необходимые для его внутреннего единства. До Монтескьё эта идея содержалась лишь в конструкции идеального государства (у Платона, Гоббса), но дело не доходило до познания конкретной истории. Монтескьё был первым, кто предложил позитивный принцип объяснения истории. Принцип не только статичности – «целое» дает понять различие законов и учреждений данного правления, но и динамики – позволяет думать о становлении институций и их трансформации в реальной истории. Поэтому Э. Кассирер славит Монтескьё как основателя теории, осмысливающей историю через категорию «целого», где все элементы находятся в единстве, где каждый влияет на другие и может быть мотором истории.

По Альюссеру, Монтескьё по-новому определил объект науки: размышлять «обо всех обычаях и законах всех народов мира». До Монтескьё политические писатели нового времени размышляли об обществе вообще, чтобы дать идеальную и абстрактную модель. Между ними была такая же дистанция, что «разделяет спекулятивную физику Декарта от экспериментальной физики Ньютона». У него другой объект – делать науку не об обществе вообще, а обо всех конкретных обществах.

Симона Гойяр-Фабр рассуждает о трех методологических революциях, совершенных Монтескьё. Эпистемологическая и философская революция изменила взгляд на отношения: человек – мир, человек – человек, чтобы по-новому взглянуть на проблему человеческого, исходить из того, что закон-отношение есть всеобщее правило структуры и познания. Через философию всеобщей закономерности Монтескьё шел к новой форме познания. Он отказывался от абстракций и антитез, от дедукций, исходил не из метафизики, а стремился познать природу человеческих установлений. Отталкиваясь от наблюдения и опыта, он противопоставлял конкретное – схоластическому, догматическому, картезианскому. Как Ньютон в физике, Локк в психологии, Монтескьё отказался построить систему аксиом, как строили свои юридические системы теоретики (от Ж. Бодена до Х. Вольфа), он шел от множества фактов.

Вторая методологическая революция заключена в словах Монтескьё: «Сначала я изучаю людей». Гойяр-Фабр называет его

«Ньютоном человеческого мира»: он открыл новую область – социальный мир, создал «физику нравов», расширил поле научного поиска, социальные факты стали объектом особого изучения. Монтескьё хотел знать, почему различались правовые принципы разных народов: происхождение позитивных законов стало для него фундаментальной исторической проблемой.

Монтескьё, не свободный от универсализма Просвещения, открывал новое в гуманитарных науках. Изучение античной истории, происхождения французской монархии, эволюции французского права не позволяло принять идею прогресса как магистрального хода истории. Он признавал автономность истории каждого народа и хотел открыть законы конкретных обществ (А. Собоуль). До него разнообразие установлений вызывало скептическое отношения к истории: она представлялась настоящим хаосом. Отбрасывая теорию естественного права и общественного договора как идеализм и абстракцию, мыслитель хотел знать только факты и извлекать закон из их различий и вариаций (Альтюссер).

Третья революция связана с предвосхищением социологии, поскольку Монтескьё предлагал «позитивное изучение ансамбля фундаментальных законов, присущих социальным явлениям». Экспериментальную философию Монтескьё переводил из физической вселенной в человеческую, она не была ни прагматической, ни наукой о перспективах. Но объясняющей и оригинальной. Его вклад, предвещающий энциклопедистов, в том, что, изменяя эпистемологическое поле, он углублял разработку ментальных структур (Альтюссер).

Мысль о «духе», «разуме» законов как совокупности отношений выводила на проблему синтеза. Так он пришёл к понятию «общий дух» (*l'esprit général*): «климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи» управляют людьми и «как результат всего этого образуется общий дух нации». Понятие использовалось для обозначения структурных отношений социально-политического ансамбля как главного организатора системы. С его помощью он «группирует различные факторы в тонкую амальгаму», которая составляет «живую субстанцию нации». Этот «общий дух» был для него одним из способов познать становление политических обществ, он позволял схватить причины, которые детерминировали «главный ход событий». «Общий дух» – это равнодействующая социологических причин, комбинация которых варьируется в разных обществах (А. Жарден). Синонимом этого понятия Р. Арон считал «культуру нации». Для

Ш.Ж. Бейе «общий дух» народа подвижен – способен адаптироваться к новым обстоятельствам истории, к модификациям нравов и обычаев.

«Общий дух» нации – несомненное преддверие национализма. Монтескьё завещал проблему XIX века. Она была подхвачена романтиками, разочарованными в универсалиях Просвещения. Монтескьё исследовал не только рационально постижимое автономное существование народа, он доводил дело до иррационального предела национального характера и его интуиции. Монтескьё предпочитал термин *отношение* – термину *причина*. Для него, в отличие от современников, которые подкрепляли свои интерпретации обзором причин, чтобы определить это как прогресс или упадок разума, перечень причин менее важен, чем закон их композиции (Ж. Дажан).

«Общий дух» – не только ключевое понятие концептуальных построений. Его конкретное наполнение историческим содержанием есть важный компонент, с которым обязан считаться законодатель. Книгу Монтескьё не зря считают основополагающей для юридической социологии (Карбонье).

«О духе законов» – один из больших синтезов, что создали фундамент либеральной доктрины во Франции (А. Жарден). Эта «книга века» по-прежнему – объект научного изучения, в немалой мере потому, что человечество бьется над задачей создания правового общества и не может ее решить. Монтескьё же открывал эти пути. Он ставил проблему понимания истории, признавал ее постепенность, значение и результативность ее фаз – для поиска факторов, определяющих судьбы народов и человека.

В. Г. Рыженко (Омский ГУ им. Ф.М. Достоевского)

Корпоративная культура профессионального сообщества российских историков в условиях смены «вызовов времени» и трансформаций коммуникативного поля науки

К рубежу XX–XXI вв. сообщество российских историков столкнулось с комплексом серьезных «вызовов времени» и внутренних противоречий, свидетельствующих о трансформации образа исторической науки – от сложившегося советского варианта к прорисовке постсоветской/российской ипостаси, что актуализирует анализ изменений характеристик профессионального научного сообщества историков.

Первоначально предполагалось изложить результаты анализа научного сообщества российских историков в современном коммуникативном поле как показателя трансформации образа исторической науки (исследования проводились под руководством В.П. Корзун). С появлением книги «Научное сообщество историков России: 20 лет перемен» [од ред. Г. Бордюгова. М., 2011] возникло желание выяснить, как соотносятся наши действия с движением мысли столичных исследователей.

В исходной гипотезе [Бордюгов Г. С. 7] констатируется отсутствие единого профессионального сообщества российских историков и наличие «лишь разрозненных его фрагментов в разных местах и с разными функциями». Замечу, что такая ситуация вполне реальна по отношению и к другим научным сообществам. Хотя, по мнению Б. Соколова (С. 324), степень раздробленности современного сообщества историков на отдельные микросообщества гораздо больше, «чем не только сообщества естественных наук, но и даже, например, сообщество социологов».

Определяющим признаком научного сообщества для соавторов стала его конечная миссия – производство нового знания. Далее модель описания сообщества историков построена в виде нескольких проблемных узлов. «Пролог», в котором показано формирование ядра корпоративной культуры – представлений историков о критериях и принципах научности. «Транзит: социологический портрет сообщества» характеризует своего рода «скелет» современной профессиональной корпорации российских историков. Третий узел – новые формы объединения ученых, включая журналы как проекты разного рода научных сообществ, а также характеристику междисциплинарности как основы для появления особого исследовательского сообщества. В четвертом узле на социологический «скелет» наращивается плоть из наслоений новых черт профессионального этоса и поведенческих нравов.

В проекте омских исследователей (Ю. Денисов, А. Кикимбаева, Н. Кефнер, В. Корзун, В. Рыженко, О. Петренко) изначально было заложено восприятие современной профессиональной корпорации как фрагментированной. В этом случае образ условного «научного сообщества историков» многомерен. Кроме того, «сообщество» и «корпорация» разделены по смыслам. Весьма популярные термины «корпорация», «корпоративная культура» характеризуют жестко структурированные объединения закрытого типа.

Исследования в области психологии бизнеса выделяют два параметра в корпоративной культуре научного сообщества в качестве наиболее существенных как для его жизни, так и для отдельной научной организации: этические нормы и ценности и коммуникационные проблемы. Именно коммуникация для корпоративной культуры XXI в. становится важнейшим показателем трансформаций современной науки. Она определяет соотношение фрагментов внутри условного «научного сообщества историков».

Предложенная в нашем проекте модель «презентации» современного сообщества российских историков через эволюцию коммуникативного поля исторической науки включила три измерения: 1) описание структуры коммуникативного поля исторической науки и трансформаций основных институтов коммуникации в конце XX – начале XXI в. с учетом координат «центр» и «провинция»; 2) характеристика изменений конфигурации научного сообщества историков в современном интеллектуальном пространстве «без границ» с акцентом на появление виртуальных сообществ; 3) анализ саморефлексии представителей научной корпорации по поводу коммуникативных практик, в том числе отношение «собратьев по цеху» к «живой» коммуникации. С использованием «случайной выборки» (анкетирование среди участников конференций с широкой географией) и данных 211 анкет удалось выявить рефлексии наиболее активных (мобильных) представителей современного научного сообщества гуманитариев и черты меняющейся корпоративной культуры.

Исходная гипотеза омского проекта допускала уже на начальной/советской стадии соединение официальной трактовки «научного знания» («язык официоза») с отклоняющимися версиями («язык профессии»). «Прологом» в этом случае выступал образ советской исторической науки второй половины 1940-х – середины 1950-х гг. [Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. М., 2011].

Большинство официальных институтов, инициирующих производство нового знания и способствующих созданию новых «сетей общения», в конце XX – начале XXI в. оказались по преимуществу замкнутыми «внутри себя». Существующие правила пополнения сообщества молодыми исследователями не допускают изменений в приоритетах корпоративных ценностей в пользу коммуникативной активности. Эта тенденция отражает явное противоречие между ситуацией «историографической

революции» и внутренним состоянием российского сообщества историков. В то же время начали появляться признаки корпоративной культуры диалогового типа, соответствующей информационному обществу.

Возникновение исторических «социальных сетей» как Интернет-ресурсов внесло еще одно принципиальное изменение в набор ценностей корпоративной культуры современного сообщества историков. В ходе работы над проектом участники дифференцировали «исторические социальные сети» по характеру специализации на многопрофильные научные сети, объединяющие ученых из различных отраслей знания, где пространство историков является лишь сегментом; специализированные научные сети, коммуникативное пространство которых объединяет историков; узкоспециализированные, ориентированные на историков, интересующихся определенным кругом вопросов.

В современных условиях формируется новый тип сообществ в коммуникативном наднациональном пространстве – неформализованное интеллектуальное сообщество, открытое для представителей разных областей знания, научных школ и начинающих исследователей. Наряду с жесткими научно-исследовательскими и учебными структурами, имеющими статус государственных учреждений, в российской науке заявляют о себе «свободные ассоциации», что имеет сходство с дореволюционной практикой и советскими организациями 1920-х гг. Условное научное сообщество современных историков, помимо неоднородности и фрагментированности своей прежней внутренней структуры, дополняется параллельным коммуникативным полем со своими правилами.

Итак, исследовательская мысль в столице и вне ее характеризуется близостью стратегической линии, но различается используемым историографическим и социокультурным контекстом. Предложенные практики оценки состояния современного сообщества российских историков и корпоративной культуры отражают разнообразие поисков производства нового знания.

Рольф Тоштендаль (Rolf Torstendahl)
(Упсальский университет, Швеция)

«Новые результаты» и «научные революции» в истории

Существует две проблемы, которые необходимо рассмотреть и решить для того, чтобы определиться с вопросом «научных революций» в истории.

Первая проблема состоит в том, чтобы определить взаимосвязь между *научными революциями* и *новыми результатами*, достигаемыми в ходе и посредством исторического исследования. Эта проблема не тождественна противопоставлению макро- и микроисторического способов получения нового, ибо в реальности получение новых результатов предполагает очень широкий спектр возможностей:

- от открытия ранее неизвестных писем какого-нибудь выдающегося человека, принимавшего участие во многих политических событиях;
- до открытия ошибочности даты, касающейся некоего политического (или другого) события;
- и далее – до появления новых ракурсов рассмотрения значительного события (например, революции в России) посредством использования новых теоретических посылок для его интерпретации.

Эти три примера – а разнообразие способов открытия нового намного шире того, что охватывается ими – показывают, что **новые результаты** – это широко и неоднозначно трактуемое явление. Когда говорится о том, что целью исторического исследования является получение новых результатов, под этим подразумеваются самые разные допущения и предположения.

Понятие **научная революция** – не простое понятие. Вызывает сомнение, может ли оно вообще применяться к научно-гуманитарной деятельности, по крайней мере, в том виде, в каком оно было предложено применительно к естественнонаучному знанию Томасом С. Куном в его знаменитой книге 1962 года, вызвавшей продолжительные дебаты [Lakatos, Imre & Musgrave, Alan (eds.). *Criticism and the Growth of Knowledge*. Cambridge C.U.P, 1970.] Я отказался тогда применить это понятие к истории [Torstendahl, Rolf. *Historiska skolor och paradigm // Scandia*. 1979. Vol. 45. P. 151-170] и до сих пор придерживаюсь этой точки зрения. Исходная куновская идея «научных революций», включающая в себя «парадигмальные сдвигами», сменяющие периоды «нормальной науки», едва ли применима даже к естественным наукам. Однако если вкладывать в это понятие совсем другое содержание, его вполне можно использовать для описания другого типа масштабных перемен, которые были нередки для истории на протяжении последних двух столетий. Я полагаю, что понятие «научные революции» может применяться к истории при условии,

что они связаны с тем, что находится за пределами исторического исследования как такового и, скорее, имеет отношение к существующей в исторической науке системе норм, чем к научным результатам. Аналогично этому, парадигмы историописания не должны рассматриваться как нечто существующее в единственном числе и довлеющее над исследователем – скорее, возможно предположить сосуществование среди историков двух или более «парадигм». Разнообразные «директивы» историописания формируются именно такими конкурирующими «парадигмами». Далее мы будем использовать термины «научная революция», «парадигма» и «директивы» именно в обозначенных выше смыслах.

Вторая проблема, имеющая отношение к новым результатам и проблеме научных революций, касается того, что понимается под историей и каким образом она должна презентовать свои исследования. Сегодня широко оспаривается тот факт, что она не может быть представлена ни к какой другой форме, кроме нарратива. Импульс к пониманию истории как нарратива был дан книгами двух представителей аналитической философии – Артура К. Данто [Danto, Arthur C. *Analytical Philosophy of History*, Cambridge: C.U.P., 1965] и Мортона Уайта [White, Morton. *Foundations of Historical Knowledge*, New York etc.: Harper & Row, 1965]; оба они поддержали идею, согласно которой исторические объяснения неизбежно облачены в нарративную форму. Многие исследователи – самым известным из них является Поль Рикер – рассуждают так же, хотя и аргументируют свои мысли иначе, чем Данто или Уайт. В своем докладе я подробнее рассмотрю аргументы, выдвинутые Йорном Рюзенем – одним из самых влиятельных и четко сформулировавших свою позицию современных сторонников тезиса о том, что историческое повествование неотделимо от повествования [например, Rösen, 2005].

Главный аргумент моих тезисов будет состоять в том, что: 1) нарративы не приводят к новым результатам, выводимым из прежних и известных структур исторического письма, что принуждает исследователя, стремящегося акцентировать новые результаты, к нарушению нарративной логики и детальному изложению аналитических аргументов в пользу нового; 2) очень немногие новые результаты могут быть инкорпорированы в нарратив; 3) основная задача историков состоит в том, чтобы довести новые результаты до академического сообщества, которое не должно стремиться к их всеобщему признанию только благодаря увлекательной манере их изложения. Новые результаты необязательно напрямую касаются структуры повествования, что означает, что несмотря на новые результаты нарратив может

остаться неизменным. Например, новый результат, полученный благодаря открытию нового видения характера Российской революции (например, ее отношения к насилию и демократии), предусматривает приведение аналитических аргументов в такой форме, которая требует выхода из нарративной структуры. В этом случае историк должен решить, что для него важнее: отказаться на нарративной логике для обоснования новых результатов или сохранить нарративную структуру в ущерб новым результатам. Подобные трудности будут четче проанализированы и изложены в моем докладе.

Нет необходимости доказывать то, что в ситуации «научных революций» эти трудности принимают совсем иные масштабы. Когда подвергается сомнению сама система предыдущего историописания (то, что я называю здесь «научной революцией в историописании»), практически невозможно себе представить чтобы повествование, построенное по прежним нормам, осталось неизменным после «научной революции». И еще важнее: если некий нарратив подвергается сомнению в своих основных характеристиках, из этого вовсе не следует, что ему на смену должен прийти другой нарратив. Позвольте мне напомнить о Броделе и изучении им средиземноморского «мира». Его история ведь не является каким-то обновленным типом нарратива, а представляет собой некое начало, где присутствует несколько нарративных элементов. Эти элементы нарратива, однако, отсутствовали в более ранних работах по средиземноморским державам и их отношениям друг с другом, где правление Филиппа II рассматривалось именно в этом ключе. Труд Броделя “*La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II*” (1949) так часто хвалят именно потому, что его фундаментальная структура основывается не на нарративных элементах, а на его теории взаимоотношений между географической средой и социальной жизнью, а также между долговременными и меняющимися условиями человеческой жизни. Таким образом, Бродель создал новую систему норм для историописания, и эта система никак не сочеталась с ранее существующими нормами. В этом смысле работа Броделя была научной революцией.

Посвященная средиземноморскому миру книга Броделя не была воспринята как некая генеральная парадигма для написания истории. Некоторые из стоящих близко к нему коллег по Школе «Анналов» написали книги, используя тот же подход, но такие книги были редки. Однако это не означает, что влияние Броделя было ограниченным. Очень многие историки объявили свою

приверженность принципам Броделя, имея при этом в виду именно его концепцию рассмотрения и написания истории. Однако многие другие продолжали писать историю так, как они делали это прежде, независимо от достижений Школы «Анналов».

Бродель не был ни первым, ни последним историком, изменившим систему профессиональных норм для историков. Как я уже писал об этом в другой своей работе [Torstendahl, Rolf. Historical Professionalism. A Changing Product of Communities within the Discipline // *Storia della Storiografia*. 2009. Vol. 56. P. 3-13], профессионализм заключается в системе норм, принятых сообществом историков или неким доминирующим сообществом историков. Ранее подобные «научные революции» или профессиональные изменения были вызваны Леопольдом Ранке в 1830-е годы и растущей строгостью исторического метода и его методологического основания [Bernheim, Ernst. *Lehrbuch der historischen Methode*. Leipzig: Duncker & Humblot, 1889; Langlois, Charles-Victor & Seignobos, Charles. *Introduction aux études historiques*. Paris, 1898], проявившимися в последнее десятилетие XIX века. Позже благодаря работам Юргена Кокка [Kocka, Jürgen. *Unternehmensverwaltung und Angestelltenschaft am Beispiel Siemens 1847-1914*. Stuttgart, 1969] историческая наука усвоила веберовскую теорию, а еще позже во весь голос заявили о себе «идеи» и «культуры». [Репина Л.П. *Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.* М.: Круг, 2011]. Таким образом, возникли новые «директивы», были созданы новые «парадигмы», хотя лишь немногие из них привели к «революциям» в исторической науке.

Когда в 1960-1970-е гг. благодаря Эрику Хобсбоуму и Перри Андерсону (и многим другим) на Западе узнали о материалистической версии истории, марксистское влияние, тем не менее, не вылилось в «научную революцию». Марксизм был известен со времен Маркса и являлся официальной идеологией для написания истории в Советском Союзе и находившихся под его влиянием странах. Повторное открытие марксизма на Западе привело к появлению новой «направленности мышления» в этой части мира, но не стало «научной революцией», оставшись всего лишь частью общего поворота истории к социальным наукам.

Существует ли в таком случае четкая граница между получившими широкое признание «новыми результатами» и «научной революцией» в области истории? О чем важно писать историку? Действительно ли важнее получить новые результаты, чем создать хороший нарратив? Являются ли нарратив и новые результаты (и новые «парадигмы») в историописании несовместимыми феноменами? Или рассказ – всего лишь способ

репрезентации исторических результатов, в то время как изложение новых результатов должно принимать другие формы? Следует ли тогда отводить нарративу приоритетное значение, мотивируя тем самым историков скорее к участию в социальной жизни, чем к получению нового исторического знания [ср.: Kalela, Jorma. *Making History. The Historian and Uses of the Past*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012]. Эти вопросы требуют дальнейшего рассмотрения, что я и сделаю в заключительной части своего доклада.

В. Б. Шепелева (Омский ГУ им. Ф.М. Достоевского)

«Новое направление» в контексте становления постнеклассической познавательной парадигмы

Изыскания представителей «нового направления» отчасти после его «закрытия», но особенно с «перестроечно-постперестроечных» времен, активно востребовали «поворот к человеку в истории», к ментальному измерению исторического процесса (исследования П.В. Волобуева, крестьяноведческий проект при решающей роли В.П. Данилова, непрекращавшаяся линия «интеллектуальной истории» от А.Л. Сидорова до М.Я. Гефтера, К.Н. Тарновского, В.П. Данилова и др.). Но комплексное социально-экономическое и политическое (шире – социальное, в толковании А.К. Соколова) препарирование в нелинейно-цивилизационном контексте истории с учетом общецивилизационной исторической динамики – это, как представляется, ответ на важнейшие требования постнеклассической познавательной парадигмы к историческому исследованию. Смысл последних: общество есть сложноорганизованная нелинейная открытая динамическая система с внутренними тенденциями развития и соотносительностью с требованиями метасистемного уровня.

Уже становление и развитие «школы А.Л. Сидорова», приведшее к самоопределению «нового направления» в изучении социально-экономической (а по необходимости и политической) истории России рубежа XIX–XX вв. обнаруживали, на наш взгляд, интенции «постнеклассического» толка. Особую роль в осмыслении совершаемой «сидоровцами» общей исследовательской работы выпало сыграть уже в 60-х – начале 70-х гг. признанному историографу «нового направления» К.Н. Тарновскому. Помимо соответствующих опубликованных статей (Тарновский К.Н. О некоторых вопросах методологии

историографического анализа и синтеза // Советская историческая наука. Проблемы изучения и преподавания. Калинин, 1986) и введения в известной «докторской» монографии, речь идет о сохранившихся в архиве К.Н. Тарновского разработках приблизительно 1967–1986 гг. [ЦММЛС. Ф. 157. Оп. 1], в частности, статье «Историографический анализ и синтез – ключевые вопросы для уяснения особенностей историографической методики и характера воздействия историографии, как структурной части комплекса исторических наук, на развитие самой исторической науки» [Д. 3].

Впрочем, текст статьи позволяет предположить, что появилась она, возможно, в связи с инициативой редакции журнала «История СССР» (в частности, И.Д. Ковальченко) крупно обсудить «за круглым столом» методологические проблемы историографии. Тарновскому было предложено осветить актуальную (по его мнению) проблему историографического анализа и синтеза и «высказать свои соображения по вопросам: 1) Что... входит в понятие “методологические проблемы историографического исследования”? 2) Как... оцениваете современное состояние историографии и представляете пути решения назревших проблем?» [Д. 89]. К.Н. Тарновский, помимо отмеченной статьи, подготовил 4-страничные «Специфика историографического исследования (материалы к докладу)» и «Методология историографического синтеза». Однако статья опубликована не была. Только благодаря инициативе Калининского госуниверситета статья в варианте 1973 г. как «Методология историографического синтеза» была использована для публикации 1986 г. [Д. 140, 151].

Наиболее существенные моменты теоретико-историографических разработок К.Н. Тарновского сводятся, на наш взгляд, в применении к историографии по существу современной «матрицы», используемой сегодня в отечественной философии науки. Кроме того, к этим существенным моментам относятся: выраженная системологичность в восприятии научных исторических знаний в целом и «историографических» – конкретно; выявление «внутренних тенденций развития» их и внешних «вызовов», эволюционных и революционных процессов в истории науки – в целом «разновременного, прерывистого, но связанного и взаимообусловленного... противоречивого характера» ее развития, при том что «внутреннее единство науки... достигается посредством выявления и преодоления противоречий» между системой прежних теоретических и

фактических знаний и знаниями новыми, и здесь возможны несколько вариантов.

Выделяя аналитический, синтетический и теоретический этапы в исследовательской деятельности, К.Н. Тарновский, сопоставляя конкретно-исторические и историографические исследования, определял общую структуру авторской концепции (а/формулировка исследовательского задания; б/авторская интерпретация фактического материала; в/введение положений и допущений [!] априорного характера; г/логические операции, научный аппарат; д/теоретический итог – формула, с проверкой ее через мерило «эйнштейновского критерия внутреннего совершенства» и «внешнего оправдания»). Определял цель, содержание, структуру историографического анализа с его сосредоточенностью на авторской концепции с выявлением «соотношения в ней прежних и новых, главным образом творческих знаний» (что далеко не одно и то же и что «требует широкой исторической образованности исследователя» – иначе широкой контекстности для препарирования концептуальных представлений).

Задачи историографического синтеза сводятся автором к выявлению складывающихся в науке направлений («собственно историографическая задача») и к «формулировке системы представлений по комплексной /конкретно-исторической/ проблеме». При этом «принцип избирательности и исключения» относительно наличествующих концепций должен быть признан ненаучным. В то же время «исходный принцип теоретического синтеза» заключается «в признании как оформившейся системы представлений, так и вновь полученных результатов НИР относительно верными». Речь идет об открытой системе научных представлений, предрасположенной к саморазвитию. В итоге происходит «или ассимиляция системой новых выводов (сама система видоизменяется, новые выводы корректируются), или фиксируются противоречия... неписываемость новой концепции в прежнюю систему». В любом случае на данном этапе «историография перестает быть историей науки и превращается в саму науку, цель которой – выявление и формулировка исторических закономерностей» [!] – обнаруживается, иначе, высшее онтологическое призвание историографии (как и гносеологии в целом, что удивительно созвучно русским религиозно-философским, но впрочем, и просто отечественным познавательным установкам). Таким образом, по заключению историка, историография, «учитывая опыт исторической науки, формирует традицию», обеспечивает «экономии усилий, более или

менее строго учитывая сделанное». И одновременно она - «средство генерализации исторической мысли» по самому «большому счёту». Другим словами – на теоретическом этапе историография решает две задачи: собственно историографическую – воссоздания и анализа процесса развития исторических знаний: выявления противоречий предшествующего этапа развития науки, особенностей становления новых научных направлений и определения перспектив науки. То есть – выявляет закономерности развития науки.

Вместе с тем вторая ее задача: синтез содержащихся в исследованиях выводов, итогов по конкретным срезам исторической реальности «в интересах выявления и формулировки комплексной системы представлений по тому или иному разделу исторической науки». Иначе – речь здесь о «выявлении закономерностей» самого исторического процесса. В «единстве конкретно-исторического и историографического исследования... реализуется», по словам историка, исходящего в том числе из собственного исследовательского опыта, «главнейший принцип... марксистск/ой/... методологии научного исследования, согласно которой логика изучения объекта раскрывается и на основании изучения его объективных / свойств/... и как итог развития... теоретических представлений о нем».

И если сегодня есть признание за историографическими работами самого К.Н. Тарновского нового познавательного уровня, то оценка им общей историографической ситуации на начало 70-х гг. как «преобладание библиографически-аннотационных, информационных работ», при том что «мало еще» исследований «историко-методологического и историко-теоретического характера», поскольку «еще не выработались... критерии и требования к историографическим работам», выглядит едва ли не как вполне адекватная современному положению дел в отечественной исторической науке.